

Медриш Давид Наумович (1926-2011)

Частушка // Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И. Новиков, Е.А. Шкловский. – 2 -е изд., доп. и перераб. – М.: Педагогика-Пресс, 1998. – С. 374–376.

Частушка – малый жанр русского фольклора, очень популярный в наше время. Это лирическая песенка, словесно-музыкальная миниатюра, живой отклик на текущие события или жизненные ситуации, поэтическая их оценка, то веселая, подчас не без лукавства («Что ты, милый, задаешься, как картошка в борозде?»), то грустная, но обычно и в этом случае не лишенная юмора, основанного на чувстве человеческого достоинства и оптимистическом взгляде на жизнь.

Чаще всего частушки поют на многолюдье – на игрищах, гулянках, в праздничной толпе, а в советское время – еще и в клубах, в домах культуры. И рассчитаны они не просто на слушателей, а на активно реагирующих соучастников, то приплясывающих, хлопающих в ладоши, то отвечающих на каждую частушку кто одобрительной репликой, кто громким возражением. Но чаще всего на частушку отвечают частушкой же:

Я частушку на частушку,
Как на ниточку, вяжу.
Ты досказывай, подружка,
Если я не доскажу.

Иногда такой обмен частушками превращается в настоящее соревнование. Один голос утверждает:

На столе стоит
Каша манная,
А любовь наша
Обманная...

Другой возражает:

На столе стоит
Каша гречная,
А любовь наша
Бесконечная!

Нередко частушки образуют циклы («спевы»), непрерывно изменяющие свой состав, при этом частушки группируются вокруг

зачинов («С неба звездочка упала», «Ходит кошка по окошку», «Самолет летит») или припевов («Золотистый-золотой», «Волга-матушка река» или «Шарабан мой, шарабан», потесненный со временем более актуальным: «Еропланчик, ероплан»).

Частушка как самостоятельный жанр сложилась в последней трети XIX в., на стыке эпох, традиций и культур. Первая серьёзная статья о частушке появилась в 1889 г., её автором был писатель Г.И. Успенский.

В новом жанре отразились и ломка патриархальных отношений во всех сферах человеческой жизни, и литературное влияние на устное народное творчество, и взаимодействие городской и сельской культур. Частушку интересует всё: личные отношения и новости общественной жизни, события мирового масштаба и местные новости. Большинство частушек – о любви, однако граница между частушкой личной, бытовой и общественной, социальной весьма условна. Отношения влюбленных в частушке почти всегда окрашены цветом эпохи, времени, дня. Когда в 1908 г. вышел первый том «Истории русской литературы», посвященный «народной словесности», едва ли не впервые в солидном ученом труде нашлось место новому жанру. Мысль о том, что в частушке содержатся «чисто современные образы», была подкреплена примером:

Не хочу сидеть с лучиной –

Дайте лампу с керосином.

Не хочу сидеть одна –

Дайте милого сюда.

Керосиновая лампа по тому времени была последним словом деревенской цивилизации. А когда – полтора века спустя – был запущен первый космический спутник, тут же появилось частушка:

Мой милёночек ко мне

Хорошо относится:

Как за спутником ракета,

Он за мной носится.

Так оперативно реагировать на перемены в жизни традиционные жанры фольклора не могли.

Частушки возникли почти одновременно в нескольких различных местах России, и каждая местность не только придала зарождающейся песенке свой колорит, но зачастую наделила и названием, то определяющим её характер, то прямо указывающим на место её рождения: волжские матанечки, уральские тараторки, саратовские страдания,

рязанские иххошки, елецкая, сибирская подгорная, новгородское разливное. Одни из этих песен поются, другие почти выкрикиваются под плясовую мелодию, одни звучат под гармонь или баян, другие под балалайку, третьи под рожок или бубен, иные вообще обходятся без музыкального сопровождения. Частушку надо не только слышать, но и видеть:

Пойду плясать,
Начну дробью
И руками, и ногами,
И ещё – бровью!

Традиция и новаторство по-особому сосуществуют в частушке. С одной стороны, строго определенный объем: как правило, четыре строки (в «страданиях» – две: «Давай, милка, страдать вместе, / Я с гармонью, а ты в песне»), наличие целого набора устоявшихся зачинов и припевов, устойчивость образов и оборотов, зарифмованность четных строк; с другой стороны, новизна: каждая талантливая частушка – с сюрпризом, с секретом. В одном случае опускается первая строчка зачина – звучит только гармонь. В другом, напротив, неожиданно появляются «лишние» слова и строчки – они проговариваются под музыкальную паузу, «сверх» мотива. В третьем, как неожиданный подарок, – дополнительные созвучия возникают то внутри строки, чаще первой («Кабы шали не мешали»), то между строчками: вплоть до почти полного их звукового совпадения:

Вышивала полотенце
Уточкой и петушком.
Утирайся, мой хороший,
Утречком и вечерком.

Будучи явлением фольклора, частушка использовала традиции как устнопоэтические, так и литературные. У лирической протяжной песни частушка взяла некоторые приемы (например, *параллелизм*) и образы-символы (берёзка, туман и др.), у песни – веселый настрой и некоторые элементы стиха и поэтики (плясовой ритм, прямые обращения к присутствующим – к гармонисту, к подруге), у пословицы – афористичность, «разговорность», прямую связь с житейской практикой, а также неожиданную, нередко неточную рифму, подчас на десятилетия опережающую практику профессиональных поэтов: белая – бегала, завлеку – за реку, праздник – дразнит, резиновы – разинули, спорили – скоро ли... У литературы частушка заимствовала строфику, перекрёстную

рифмовку, стремление к индивидуализации характеров и конкретности ситуации. И всё это усвоено, переосмыслено в нечто новое и своеобразное. Различные виды искусства помогают друг другу. Частушка возродила к жизни балалайку, которая из двухструнной превратилась в трёхструнную. Вместе с частушкой начинает своё победное шествие гармонь – тальянка, ливенка, вятка, саратовская (с колокольцами), тульская, – а гармонист становится «первым парнем на деревне».

Частушка знает пародию на самое себя – это нескладухи и перевертыши (иногда эти названия смешиваются). Нескладуха вместе со смыслом отбрасывает и рифму:

Я с высокого забора
Прямо в воду упаду.
И кому какое дело,
Куда брызги полетят.

Отсутствие рифмы – это обманутое ожидание слушателя, один из сюрпризов, на которые щедро воистину неистощимая частушка. Перевертыши, тоже нередко теряя рифму, строятся по принципу небылицы: там поется «про серебряны галоши, про резиновы часы», там пилой собираются копать картофель и т. д.

В ряде мест традиции русской частушки взаимодействовали с опытом сочинения коротких и злободневных песен соседних народов. И сейчас в ходу частушки, в которых русские строки и выражения переплетаются с башкирскими, узбекскими, казахскими. Наиболее активно «обмен опытом» происходит с близкими по языку и фольклорным традициям украинцами и белорусами: нашей частушке близки украинские коломийки, казачки и чабарашки, белорусские припевки и плясушки. Так, на основе украинской девичьей припевки («Гей, яблочко, / Куды котисься, / Виддай; таточко, / Куды хочеться»), записанной еще до революции, возникла русская частушка примерно того же содержания, а позднее уже на её основе сложилась знаменитая в гражданскую войну серия-припев «Яблочко», звучавшая и по эту, и по ту сторону фронта. Этот обмен частушечными залпами хорошо передал С. Есенин в поэме «Песнь о великом походе».

Возникнув не без влияния письменной поэзии, частушка, в свою очередь, оказала влияние на литературу. А.А. Блок и В.В. Маяковский, Д. Бедный и С.А. Есенин ввели её в большую поэзию, по их пути пошли А.Т. Твардовский, М.В. Исаковский, А.А. Прокофьев и многие другие.

